«Утешайте, утешайте народ Мой , говорит Бог ваш. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои».

(Ис. 40: 1-2)

«Народ - венец земного цвета
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного - и нам».

А. Блок.

ЖИВОЕ СЛОВО

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Золотое зерно

Время течет и вымывает из памяти сначала более легкие впечатления, а потом добирается до основных и тяжелых. Согласен, что самое тяжелое останется на дне и, может быть, даже не шелохнется, но хорошо, когда оно предстает постороннему глазу в оправе сопутствующих ему в действительной жизни впечатлений. Лучше цельный и стройный колос (хотя он наполовину мякина), чем просто горстка земли. Есть у меня в памяти между прочих такой колос и одно из зерен в нем — золотое.

Я согласился участвовать тогда в десятидневной, как раньше бы сказали, благотворительной поездке и вылетел в Новгород, откуда эта поездка должна была начаться. Предстояло выступить с чтением стихов в нескольких концертах, сбор от которых — отчисление в какой-то там фонд Мира? Очередного молодежного фестиваля? Охраны памятников? Понятнее было бы в последнем случае, почему концерты начинались в древнем Новгороде, и каким образом организатору удалось «заполучить» для участия в концертах великого русского певца с точнейшим и чистейшим лирическим тенором. Многие, тотчас догадавшись, о ком идет речь, опротестуют титул, самовольно данный мной певцу, но, думается, что я прав.

После Собинова, о котором мы уже не стесняемся говорить «великий», у нас два тенора выходят из ряда вон так решительно и далеко, что другие, тоже замечательные теноры остаются все же внизу и сзади. Если время в течение ближайших лет не произведет какого-нибудь уникума, который затмит все и вся, то эти певцы — Лемешев и Козловский — так и будут представляться нам среброголовыми великаньими вершинами в ряду пусть и высоких, но не достигающих все же оледенелой, незыблемой славы гор.

Проезжая от аэродрома к гостинице, я увидел, что Новгород пестрит афишами, на которых крупными красными буквами написана фамилия знаменитого певца. Ниже, в два столбца, меленько обозначены остальные участники благотворительных, шефских, как теперь говорится, концертов.

Это афишное распределение невольно получалось и в жизни: в гостинице, на улицах города, если мы все выходили на прогулку, в ресторане, где мы обедали, при осмотре древностей, когда экскурсовод рассказывала нам о Спас-Нередице, о Николе на Липне, о Федоре Стратилате на Ручью.

Сколько бы ни было нас, хоть двадцать человек, все равно прохожие на другой стороне улицы останавливались ради одного человека, и доносился до нас их восторженный с придыханием шепот: «Козловский, Козловский, Козловский...»

Работники обкома и облисполкома не ради нас все время обретались в гостинице и гостиничном ресторане; черный обкомовский «ЗИМ» не ради нас дежурил около подъезда; лучшие экскурсоводы не ради нас вызывались на работу в неурочное время; повар не ради нас вытворял чудеса, в том числе и такое, ежедневное, можно сказать, дежурное в те дни чудо, как судак, начиненный грибами.

Если бы рядом с Козловским ездил другой певец, приблизительно того же ранга, заслуг и такой популярности, а все кричали бы «Козловский, Козловский, Козловский!..», другому певцу, вероятно, было бы обидно, его самолюбие уязвлялось бы на каждом шагу.

Но мы ощущали себя как свита короля или патриарха, когда не надо даже и думать, почему все восторженные взгляды обращены не на тебя, а на другого человека. Именно потому, что он король, патриарх.

Итак, мы несли бремя его славы легко, грелись в ее лучах и даже веселились, находя для этого разные поводы. В первый же день мы получили прекрасный повод для шутки, которая сопровождала нас потом во все время поездки. Репортер местной газеты, улучив момент, подошел к другому певцу из нашей бригады (его фамилия была Вильнис) и спросил:

—Семен Иванович, нельзя ли у вас взять интервью?

Трудно даже сказать, которая из двух одновременных ошибок репортера потешила нас больше: та ли, что он принял Вильниса за Козловского, та ли, что он назвал его Семеном Ивановичем вместо Ивана Семеновича. Но с этого часа мы уже не называли за глаза предводителя нашей группы иначе, как Семеном Ивановичем.

— Семен Иванович еще не обедал?

— Надо бы зайти за Семеном Ивановичем.

— Семен Иванович сказал, что с нами он не поедет.

Мне было легче других еще и потому, что с самого начала я понял одну простую вещь. Только вот как ее пояснее выразить? Скажем так. Мы нервничаем у телефонной будки, если «тип», занявший ее, говорит лишние десять минут, но мы не дергаем и никого не ругаем, если междугородный разговор нам дают через час. Мы не мечемся и не пишем жалоб, если вылет самолета по метеорологическим условиям задерживается на полдня. Мы тем более не злимся на то, что после лета не сразу наступает зима, но бывает еще и дождливая осень. Если поискать, можно найти и более абсолютные примеры неизбежных, данных, не зависящих от нас обстоятельств, которые так и надо принимать со всей их заведомой неизбежностью.

Когда машины стояли уже около тротуара на солнцепеке и все уже сначала уселись в машины, но потом вышли из них в нетерпении, и стоят, и глядят на окна предполагаемых гостиничных комнат, когда отъезд назначен на 9.30, а на часах дело продвигалось уже к 11, когда все кипели и шипели, исторгая вместе с проклятьями слово о «неуважении к коллективу», я оставался спокойным и ждал появления «метра» не более нетерпеливо, нежели ждал бы в жаркое лето дождя, который радует, если он наконец пошел, но все же не пьешь валерьянку, если на небе пока ни облачка.

Кроме того — случай необыкновенный. Человеку достался от Бога удивительный тончайший музыкальный инструмент, драгоценность такого порядка, когда она не может уже быть принадлежностью одного человека, то есть достояние всех — общенародное, общечеловеческое достояние. Однако казус состоит в том, что по-будничному, по-повседневному, драгоценность эта находится все же в распоряжении одного человека, и он волен распорядиться ей как захочет. Он может ее пропить, испортить (для этого достаточно попеть на морозе или хватить ледяного пива), унести от людей в преждевременную могилу путем беспорядочного образа жизни.

Но человек правильно понял свою задачу носителя и хранителя редкой, а точнее, единственной в своем роде драгоценности. Он смолоду образовал свой голос, поставил его, настроил свой музыкальный инструмент. Он обогатил природный дар воспитанием в себе прекрасного музыкального вкуса и приобретением большой музыкальной культуры. Наконец он понял, что все — и жест, и манеры, и внешний вид, и поведение в человеческом общежитии,— все это тоже есть лишь прикладное к единственному и главному и может быть либо оправой, еще больше украшающей редкий алмаз, либо мусором и грязью, мешающими видеть его во всей чистоте и блеске.

Я вижу талантливого поэта (тогда ему не было еще пятидесяти, а теперь его давно нет в живых), который в восемь утра дрожащими руками наливал себе полный стакан водки и выпивал его натощак, и сознание туманилось, а душа (инструмент, данный ему) становилась пустынной и липкой, а мозг (инструмент, данный ему) превращался в мыло самого низкого качества,

Я вижу другого талантливого поэта, пятидесятилетнего тогда (а сейчас он в могиле), уснувшего на стуле в приемной главного редактора «Литературной газеты». И как секретарша, краснея от стыда (за поэта), застегивала ему (ходят люди, а он все-таки живой классик) пуговицы на брючной прорехе.

Я вижу превосходного драматического актера, которому играть бы еще да играть, а он не может зашнуровать ботинок, потому что нагнуться мешает безответственно раскормленный живот.

Я вижу талантливых молодых ребят: Володю Морозова, Диму Блынского, Ваню Харабарова, Колю Анциферова, которые все теперь лежат в земле сырой единственно потому, что не поняли вовремя своей роли носителей редкого дара, находящегося по некоторой случайности в их распоряжении, но являвшегося не только их достоянием.

— Подожди, подожди! — скажут со всех сторон.— Уж будто?.. Уж мы-то знаем... вспомни...

Я и сам знаю, что я не ангел. Но тем более могу ли я не уважать восторженным уважением семидесятилетнего седовласого человека, содержащего свой музыкальный инструмент, свой дар в полной сохранности, в прекрасном состоянии, во всегдашней готовности, в безукоризненном порядке?

Мы должны ехать осматривать древности Новгорода и окрестностей. Да, суетливо мы собрались ровно в девять. Хотя все равно некоторые «тянулись» и присоединялись к нам с опозданием, но с каким-то суетливым опозданием. Мы одеты все кое-как (не концерт же сейчас!), мы нервничаем и ругаем семидесятилетнего старика за то, что он опаздывает и тем самым как бы не уважает нас. Но я его все равно уважаю. И когда он появляется, высокий, подтянутый, красивый, вежливый, не повышающий ни при каких обстоятельствах своего голоса, в ослепительно-белой рубашке, в изысканной «бабочке», безукоризненный одним словом, во всех отношениях, я понимаю, во-первых, что и он уважает себя, а вернее тот дар, который носит в себе, и то имя, которое существует уже как бы отдельно от него, как такового, я понимаю, во-вторых, что он уважает тех людей, которые будут видеть его на улицах Новгорода. И все мы в своих безгалстучных одноцветных рубашках с расстегнутыми воротниками, с пиджаками и куртками «на руке», в ботинках, чищенных в последний раз, еще в Москве (а кое-кто даже и не побрился!), кажемся приготовишками рядом с метром, плебеями, челядью, уличной толпой. И поделом нам! И вот образец, к которому надо присмотреться, если еще не поздно тебе присмотреться. Да, конечно, демократизм. Но как же быть в исключительных случаях? Неужели идти на поводу этого самого демократизма?

Мы завтракаем в ресторане при гостинице. В углу стоит приспособление под названием «Меломан». Ме-ло-ман! То есть любящий музыку до самозабвения. Можно ли еще злее насмеяться над этим понятием, как назвать меломаном то чудовище, которое стоит в углу ресторана. Оно молчит пока. Но сейчас сунут ему в пасть металлическую монету и что-то дрогнет, щелкнет внутри чудовища, оно проснется, задвигаются его рычаги. Один рычаг бесстрастно понесет черный диск, положит его плашмя, еще раз-два что-то щелкнет, и всех нас, мирно жующих и беседующих, оглушит дикая музыка.

Музыка — духовная пища. Доказательств не надо. Притом, наиболее тонкая, наиболее изысканная духовная пища. И наиболее концентрированная. Значит, если в приеме всякой пищи должен быть какой-нибудь порядок (едим 3—4 раза в день), то тем более должен быть порядок в приеме пищи духовной. И тем более в такой, как музыка.

До радио и телевидения, до патефонов и «Меломанов», то есть когда в мире стояла музыкальная тишина, человек мог сам распоряжаться потреблением такого сильного духовного экстракта, как музыка. Скажем, раз в неделю — концерт. Народное гулянье в праздники. Церковная служба, обеденная месса в определенные дни и часы. Ну, или как неожиданное лакомство — уличная скрипка, военный оркестр, шарманки, певички.

Представим же себе, что какую-нибудь еду (какую бы ни было) мы будем поглощать с утра до вечера в полном беспорядке и ежедневно. А между тем потребление музыки нами именно таково. Музыка по радио, в телевидении, в кино, транзисторные приемники, магнитофоны, радиолы и вот еще — «Меломаны». Как если бы вы сидели спокойно, но вдруг подходит посторонний человек и собственной рукой внезапно запихивает вам в рот жирный блин или целую порцию мороженого.

Мы обожрались музыкой, мы ею пресыщены, мы, к счастью (к горькому счастью), перестаем ее воспринимать? А как быть тому, кто обладает повышенным и утонченным восприятием музыки?

Хороший музыкант должен беречь свои уши от плохой музыки, как дегустаторы вин берегут свое обоняние, не куря, не употребляя спиртных напитков, специй и даже не беря одеколона после бритья.

Я видел, как мучительная гримаса невольно искажала лицо Козловского, когда раздавалось громкое щелканье в утробе «Меломана» и рычаги приходили в движение. Я встаю, подхожу к «Меломану» и решительно его выключаю. Но тут вступает в силу эта самая демократия. Всегда найдется в ресторане в Новгороде (в Москве, в Тюмени, в Тбилиси) человек, который скажет:

— Мало ли что— Козловский! А я вот хочу слушать музыку. Я пять копеек туда пустил. Козловский! Подумаешь, цаца!

Приходилось искать распорядителя, директора, представителя из обкома. Нет, демократия демократией, но иногда хорошо, когда найдется и власть!

(Продолжение следует)